

Георгий Владимирович Вернадский

М. Ю. Сорокина

Марина Юрьевна Сорокина, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук. Занимается социальной историей российской науки, мемуарным и эпистолярным наследием ученых, в том числе В.И.Вернадского, С.Ф.Ольденбурга, Н.И.Конрада, А.С.Лаппо-Данилевского и др.

19 АВГУСТА 1927 г. трансатлантический лайнер «Аквитания» доставил в США русского историка, одного из идеологов евразийства Георгия Владимировича Вернадского и его жену Нину Владимировну, урожденную Ильинскую. Америка стала конечным пунктом их одиссеи. Бежав в ноябре 1920 г. вместе с врангелевскими войсками из Крыма в Константинополь, они затем перебрались в Грецию, а оттуда в начале 1922 г. — в Чехословакию. Оставшиеся им почти полвека изгнания они провели в США, так никогда больше и не увидев Россию.

В американской эмиграции Георгий Вернадский превратился в George Vernadsky, одного из самых известных историков России в XX в.

Опубликованные библиографии (весьма неполные) насчитывают более 160 его работ, хронологически охватывающих всю историю России — с древнейших времен до XX в. Его многообразное и обширное научное наследие, практически все опубликованное, пока не получило монографического рассмотрения ни в России¹, ни на Западе; своего биографа Георгий Владимирович тоже пока не обрел.

Вернадский был единственным историком, который всегда придерживался евразийской теории. Еще в 1928 г. П.Н.Миллюков прозорливо заметил, что, связав свое имя с евразийством, Вернадский «рисковал карьерой». Действительно, нарушив академическую традицию «чистого знания», евразийская историческая мысль дерзнула выйти за границы профессиональ-

© М.Ю.Сорокина

¹ См. важнейшие из последних работ о нем: Вандакловская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1998; Козляков В.Н. «Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса»: Георгий Владимирович Вернадский (1887—1973) и его «Очерки по русской историографии» // Вернадский Г.В. Рус. историография. М., 1998. С.5—26; Он же. Обзор коллекции документов Г.В.Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // Там же. С.395—444.

Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973).

ного поля и предложить историко-культурную концепцию, заостренную на поиски «русской идеи». Однако откровенно помещаемая в ограничительную рамку православно-конфессионального зрения, она вызывала и вызывает самые противоречивые суждения современников и потомков.

Многие работы Георгия Вернадского, написанные в США, имели откровенно просветительский характер, а оторванность от привычной научной среды и источниковой документальной базы неизбежно вела к определенной компилятивности. Тем не менее до сих пор американские студенты начинают изучать русскую историю «по Вернадскому», и один этот факт достаточно определяет значимость его фигуры.

Еще недавно запрещенное в СССР, сегодня имя Георгия Вернадского можно найти во многих новых российских энциклопедиях², где скупые биографические строки рисуют облик вполне состоявшегося и преуспевающего ученого. Однако в действительности все было намного сложнее. Не случайно Вернадский так и не опубликовал воспоминаний ни о «пражском», ни о

«йельском» периоде своей жизни, хотя в черновиках они существуют и хранятся в его обширном фонде в Бахметевском архиве Колумбийского университета (США)³.

Столь же значительный фонд Г.В.Вернадского, но относящийся к дореволюционному времени, находится у нас, в Государственном архиве РФ — ГАРФ (в 40-е годы он был волонтеристски изъят из Архива Российской академии наук — АРАН). Эти собрания документов предоставляют широкие возможности для реконструкции жизненного пути автора многотомной «Истории России», фактически завершавшей ту «энциклопедическую» парадигму русской историографии, которая связана с трудами Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева, В.О.Ключевского.

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ «МИР» ВЕРНАДСКОГО-МЛАДШЕГО

Георгий Вернадский родился 20 августа (1 сентября) 1887 г. в семье естествоиспытателя, впоследствии академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945). С детства вхожий в дома русской интеллектуаль-

² См., напр.: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энцикл. биогр. словарь. М., 1997. С.142–144 (автор статьи — Н.Е.Соницева).

³ Пользуясь случаем, хочу отметить, что моя работа с материалами семьи Вернадских в Бахметевском архиве (далее ВАР) стала возможна благодаря гранту Программы Фулбрайт (США).

ной элиты, Георгий, казалось, обстоятельствами рождения и воспитания был «обречен» на традиционные для людей его круга профессорскую карьеру и кадетскую партийность. Он окончил в 1905 г. с золотой медалью в Москве 5-ю классическую гимназию; в 1905—1910 гг. занимался на историко-филологическом факультете Московского университета. Выбор темы кандидатского сочинения — «Общественная программа дворянских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 г.» — вполне определенно обозначил стремление молодого историка к связи науки и современных ему социальных проблем России.

К этому добавим, что еще в гимназические годы Вернадский-младший последовательно перепробовал традиционный для интеллигенции тех лет набор исканий: кружок «самоусовершенствования», «хождение» к Льву Толстому в Ясную Поляну, дискуссии с социал-демократами. Студентом он участвовал в кампании помощи голодающим, зимой 1906 г. был арестован, сотрудничал в Крестьянском союзе, работал в молодежной организации конституционно-демократической партии — фактически след в след повторяя путь идейных исканий своего отца и его друзей — известных либералов Д.И. Шаховского, братьев С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбургов, А.А. Корнилова и др., членов так называемого «приютинского братства»⁴.

Сестра Георгия Нина вспоминала: «Друзья были из Братства, их дети были для нас родные братья и сестры. Это был громадный мир, связанный взаимной верой, любовью и чувством ответственности перед жизнью»⁵. В этих словах, написанных десятки лет спустя, слышатся ностальгически-идеализирующие нотки, но они точно обозначают дореволюционный «мир», или, как сказал бы сам историк, «месторазвитие» молодых Вернадских.

Молодежь, казалось, напоминала родителей. Как и в «большом» братстве, в «малом» тоже был рельефно очерченный центр: «Гуля (домашнее имя Г.Вернадского. — М.С.), Нина Ильинская, Соня Любоцинская, Наташа Шаховская и товарищи Георгия, в том числе Михаил Владимирович Шик, и др. составили тесный кружок и энергичный, далеко еще не сложившийся, но очень одаренный. Он жил своей жизнью, отчасти держась в стороне от нас, очень молодых родите-

лей», — заметил Владимир Иванович Вернадский⁶.

Среди этой молодежи Вернадский-старший не случайно выделил по имени-отчеству Михаила Владимировича Шика, который, хотя и был ровесником Георгия, казался значительно старше и глубже остальных. «Под его влиянием мы вернулись к церкви», — вспоминала жена Вернадского-младшего⁷. Почти одновременно с появлением сборника «Вехи» Шик издал свой перевод знаменитого «Многообразия религиозного опыта» У.Джеймса — книгу, в предвоенные годы ставшую властительницей дум интеллигентной молодежи обеих российских столиц. Именно с Шиком тема религиозного переживания, православия как способа самоосознания личности вошла в молодое Братство и зримо обозначила границу отталкивания «отцов» и «детей».

Противогосударственность, безрелигиозность, космополитизм — диагноз, поставленный «Вехами» русской демократической интеллигенции, — совпадал с тем, что видело в старшем поколении «молодое Братство». «Я решительно за «Вехи»! — восклицал в 1909 г. в письме Г.Вернадскому его друг Михаил Карпович, или Мих, в будущем историк, профессор Гарварда, а в ту пору еще студент, правый эсер и меломан. — Это книга для меня написанная, почти мной написанная»⁸. А сам Георгий еще в 1907 г. писал отцу о ложности профессиональной, «оплачиваемой» политической деятельности⁹; читая письма Чехова, он восхищался тем, как писатель «ругает русских интеллигентов за узость, как он ищет полной духовной свободы, как он ненавидит рамки и направления, будь то направления профессоров или жандармов»¹⁰.

Георгий менее своих друзей был склонен к конфронтации и тем более осуждению родителей. Мягкий, очень домашний, «частный» человек, он никогда не был лидером, скорее ведомым. Влияние семьи на него было огромно. Практически всю жизнь Георгий ощущал на себе тень, а часто и давящий пресс отца. Его первые научные работы 1913 г., «евразийские» по замыслу, вызвали суровую критику академика Вернадского, который и в дальнейшем

⁶ АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.33. Л.44об.

⁷ Archive of Russian and East European History and Culture (далее — BAR). Vernadsky Collection (далее — Coll.). Vox (далее — В.) 139.

⁸ ГАРФ. Ф.1137. Оп.1. Д.248. Л.20.

⁹ АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.39. Л.42об.

¹⁰ ГАРФ. Ф.1137. Оп.1. Д.366. Л.9—9об.

⁴ См.: Аксенов Г.А. Сила братства // Природа. 1988. № 2. С.82—93.

⁵ Владимир Иванович Вернадский: Материалы к биографии // Прометей. Т.15. М., 1988. С.121—122.

Гуле десять лет.

К этому году, когда в семье Егоровых появилось пятое дитя, Наталья была уже вдовушкой. Муж ее умер в 1877 году, оставив ее с тремя детьми. Она была вынуждена работать в качестве наемной работницы, чтобы прокормить семью. В 1880 году она вышла замуж за Павла Егоровича Старицкого, который был на 15 лет старше ее. Павел был человеком с высокими моральными принципами, который стремился к образованию и развитию своих детей. Он был учителем в школе и занимался общественной деятельностью. Наталья была женщиной с сильными моральными принципами, которая была предана своей семье и своим детям. Она была женщиной с высоким уровнем культуры и образования, что было редкостью для того времени. Она была женщиной с сильным характером, которая была способна на самопожертвование ради своих детей. Она была женщиной с высоким уровнем ответственности, которая была способна на большие жертвы ради своего долга. Она была женщиной с высоким уровнем энергии, которая была способна на большие подвиги ради своего счастья. Она была женщиной с высоким уровнем таланта, которая была способна на большие достижения. Она была женщиной с высоким уровнем интуиции, которая была способна на большие открытия. Она была женщиной с высоким уровнем воли, которая была способна на большие победы. Она была женщиной с высоким уровнем любви, которая была способна на большие жертвы. Она была женщиной с высоким уровнем веры, которая была способна на большие чудеса. Она была женщиной с высоким уровнем надежды, которая была способна на большие мечты. Она была женщиной с высоким уровнем счастья, которая была способна на большие радости. Она была женщиной с высоким уровнем здоровья, которая была способна на большие силы. Она была женщиной с высоким уровнем долголетия, которая была способна на большие годы. Она была женщиной с высоким уровнем славы, которая была способна на большие почести. Она была женщиной с высоким уровнем богатства, которая была способна на большие деньги. Она была женщиной с высоким уровнем власти, которая была способна на большие дела. Она была женщиной с высоким уровнем влияния, которая была способна на большие изменения. Она была женщиной с высоким уровнем признания, которое было ее главным достижением.

В кругу семьи. Слева направо: Георгий, его дядя Павел Егорович Старицкий, мать Наталья Егоровна, сестра Нина, отец Владимир Иванович.

С Ниной Владимировной после свадьбы. 1909 г.

ком университета; осенью 1882 г., приглашая
виз Николаевича и не дождавшись ответа
(завтра же в 12 часов дня он скончался)
Однако доверием и любовью к нему руководился
русский министр финансов, министр
внешних дел, а также и другие
высокие государственные деятели.
В 1884 г. в Петербурге в
здании бывшего министерства
внешних дел состоялось
собрание, в котором
принимались меры к
осуществлению
идеи создания
русского
национального
университета.
В этом собрании
принимали участие
и другие
высокие
государственные
деятели.
В результате
этого собрания
было принято
решение
создать
русский
национальный
университет.
Эта идея
была
принята
в качестве
одной из
основных
задач
русского
образования.
В дальнейшем
этой идее
было
присвоено
имя
Г.В.Вернадского.
В 1885 г.
было
создано
русское
национальное
общество.
В этом обществе
принимали
участие
и другие
высокие
государственные
деятели.
В результате
этого общества
было
принято
решение
создать
русский
национальный
университет.
Эта идея
была
принята
в качестве
одной из
основных
задач
русского
образования.
В дальнейшем
этой идее
было
присвоено
имя
Г.В.Вернадского.

Молодое братство. За столом — Г.В.Вернадский, справа от него — М.В.Шик, слева — М.М.Карлович, А.Д.Шаховская, Н.Д.Шаховская, Н.В.Вернадская (ур.Ильинская); в белом фартуке — прислуга Поля. 1912 г.

тщательно рецензировал все сочинения сына.

Окончив Московский университет с дипломом 1-й степени, Георгий не был оставлен «для приготовления к профессорскому званию». В воспоминаниях он причисляет к своим «московским» учителям историков самых разных научных школ и разной политической ориентации, что свидетельствует скорее о желании подчеркнуть свою преемственность по отношению к русской дореволюционной исторической школе в целом, чем о реальном влиянии того или иного направления. Между тем всех этих историков надолго развел 1911-й год, когда из Московского университета в знак протеста против политики министра народного просвещения Л.А.Кассо ушли более ста профессоров и преподавателей. Из числа историков к ним присоединились кадеты А.А.Кизеветтер и Д.М.Петрушевский.

Одним из инициаторов профессорской акции 1911 г. стал Вернадский-старший, также покинувший университет. Магистерские экзамены Георгий сдавал уже в Петербурге. Темой диссертации он выбрал историю колонизации Сибири в XVI—XVII вв., но, став приват-доцентом столичного университета, начал заниматься историей русского масонства XVIII в., диссертацию о котором защитил 22 октября 1917 г.

Свои скитания по России в годы гражданской войны Г.Вернадский подробно описал в опубликованных воспоминаниях. С осени 1917 г. он преподавал в Пермском университете. В мае 1918 г., предупрежденный о возможности ареста, вынужден был скрываться. Затем, побывав летом в Москве и Киеве, уехал в Крым, где стал преподавать в Таврическом университете. В сентябре 1920 г., по совету П.Б.Струве, был назначен заведующим отделом печати в правительстве барона П.Н.Врангеля, с войсками которого, как уже говорилось, эвакуировался в Константинополь. В этих воспоминаниях Георгий не акцентировал, однако, главного — кардинального изменения мировоззрения, или, по его собственным словам, сказанным в письме, «осознания того, к чему раньше относился безразлично, именно — я националист и монархист». Кадет-западник Георгий Вернадский остался в России, в эмиграцию пришел совсем другой человек¹¹.

РУССКАЯ ПРАГА

Русская диаспора в Чехословакии не была многочисленной (около 35 тыс.). Однако довольно быстро Прага оказалась крупнейшим интеллектуальным центром русского зарубежья, где сосредоточилась значительная часть его элиты — и политической, и научной. Еще в 1921 г. П.Б.Струве писал о желании создать в Праге «до падения большевиков центр русской зарубежной академической и учено-учебной жизни». План Струве совпал с намерениями лидеров молодой Чехословацкой республики, и I съезд русских академических организаций состоялся в октябре 1921 г. именно в Праге, куда был приглашен министром иностранных дел Чехословакии Э.Бенешем, начинавшим свою Русскую акцию.

Русская акция замышлялась на непродолжительный срок, и правительство ЧСР не жалело на нее средств. Ассигнования, начавшись с 10 млн крон в 1921 г., перевалили к 1926 г. за 300 млн крон. Президент Т.Масарик и министр иностранных дел Э.Бенеш полагали, что «гуманитарная помощь может оказаться выгодным помещением политического капитала» и Русская акция сделает их страну ведущим славянским центром Европы.

Первоначально помощь была предложена 50 профессорам. В числе приглашенных оказался Георгий Вернадский, приехавший с женой из Греции 16 января 1922 г. и сразу же включившийся в работу по организации русских научно-учебных учреждений. После избрания председателем Русской академической группы в Праге академика Струве Вернадский вошел в правление группы, осенью того же года был избран секретарем проходившего в Праге II съезда русских академических организаций. А когда в Праге открылся Русский юридический факультет, Вернадский в качестве профессора начал читать курс по истории права Российской империи, в 1924 г. опубликованный как учебник «Очерк истории права Русского государства XVIII—XIX вв.», ставший его первой книгой в эмиграции.

Казалось, жизнь начала устроиваться. Близость к академикам П.Б.Струве и Н.П.Кондакову делала фигуру Вернадского заметной в чешских правительственных кругах. Жена Георгия Нина регулярно пела в салонах Крамаржей и Масариков; Рождество и лето 1923-го, Пасху 1924-го Вернадские провели в Париже. Появилась возможность помочь друзьям и знакомым. Благодаря усилиям Вернадского в Прагу приехали будущий «кондаковец» Н.П.Толль и о.Сергий (Булгаков), с

¹¹ См. публ. в «Новом журнале»: «Пермь—Москва—Киев» (1971. Кн.104), «Крым» (1971. Кн.105), «Константинополь» (1972. Кн.108). А также: Письмо А.Ф.Родичевой 1 мая 1922 г.; BAR. Rodichev family Coll. B.4.

которым Георгий сблизился еще в Таврическом университете; осенью 1922 г., приглашая из Софии религиозного философа А.В.Флоровского, Вернадский вполне уверенно обещал помочь ему со стипендией.

До 1925 г. Вернадские живут в Збраславе, в их доме регулярно устраиваются музыкальные вечера, у Георгия появляются ученики — А.Б.Эфрон, С.Г.Пушкарев. В начале 1925 г. Вернадские переезжают в Прагу, в русский «профессорский» дом.

«Я сейчас очень увлечен... — писал Георгий отцу в декабре 1924 г., — чтением (и переводом, но это по секрету) Константина Багрянородного — «О чинах византийского двора». Это сочинение — прямо кладезь живой воды по византиноведению, а между тем оно поразительно мало использовано. Я думаю серьезно этим заняться — работа на несколько лет при параллельной разработке татарского вопроса, в который я тоже вхожу»¹². Перевод Вернадский делал с коллегами по будущему *Seminarium Kondakovianum* — знаменитому Кондаковскому семинарию, переросшему затем в Институт, который на много лет стал одним из главных его дел.

Семинарий возник еще при жизни выдающегося русского археолога, византолога, историка искусства академика Н.П.Кондакова (1844—1925), приехавшего в Чехословакию из Болгарии по личному приглашению президента Масарика и преподававшего в Карловом университете. В лучших традициях русской дореволюционной науки академик работал с некоторыми слушателями не только в стенах университета, но и дома. «Понедельники», «среды», «пятницы» издавна служили одним из самых надежных — «из рук в руки» — каналов передачи и сохранения преемственности в гуманитарной науке.

Среди тех, кто часто бывал у Кондакова, выделялись Г.В.Вернадский, А.П.Калитинский, Н.М.Беляев, Н.П.Толль и др. После кончины Кондакова они решили продолжить его исследовательскую программу в рамках Семинария, занимающегося «кондаковским» направлением — историей древнерусского, византийского, восточного искусства в сравнительно-историческом плане и в связи со средневековой историей культуры вообще. Кроме того, предполагалось издать неопубликованные труды Кондакова, прежде всего его фундаментальное многотомное исследование о русской иконе, а также сборник его памяти.

В отличие от других эмигрантских научных учреждений, в самих названиях подчеркивавших свою «русскость», Кондаковский

семинарий изначально создавался как интернациональный научный центр. В основе его организационной структуры лежала модель сотрудничества между постоянным пражским ядром-центром и приглашаемыми «со стороны» учеными, а независимые от русской эмиграции источники финансирования обеспечивали возможность максимально дистанцироваться от политики.

Между тем Вернадскому и его коллегам виделось большее. Они «хотели бы создать настоящий исследовательский институт по археологии и византиноведению, Kondakov Institution», — как писал Вернадский Карповичу в феврале 1926 г. И продолжал: «Миша, дорогой, найди на это дело денег (хорошо бы 10 000 долларов в год — на это уже можно довольно широко поставить дело), затем брось Америку и приезжай с женой и сыном (и деньгами!) на Балканы или в Афины, или где мы устроимся. Seriously, это не бред, если у тебя будут какие-нибудь идеи, к кому обратиться, — найди ходы к кому-нибудь из ваших миллиардеров, которому было бы приятно быть проректором или дать имя новому научному институту. Если хочешь, я пришлю тебе разработанный проект русского Института археологии и византиноведения. Поместить его можно где угодно в восточной части Средиземного моря. Ты будешь членом этого Института, вот тебе жизненное дело, которому всего себя можно отдать. Поверь только в это дело, пожелай его как следует, и тогда добьешься!»¹³

Почти юношеский энтузиазм, каким пропитано письмо Вернадского, имел практическое воплощение. В Бахметевском архиве сохранились три разных варианта, описывающих устройство будущего института. Все они датированы серединой 1925 г. Один из проектов предусматривал образование «Института археологии и византиноведения им.Н.П.Кондакова, учрежденного Ч.Крейном».

Несколько слов о Чарльзе Ричарде Крейне (Charles Richard Crane; 1858—1939), личности интереснейшей и мало известной в России. Миллионер, глава знаменитой «Crane Company» в США, он был страстным поклонником всего славянского, в том числе национально-русского, понимаемого им прежде всего как православное. Более двадцати раз бывал в России, где встречался с самыми разными людьми — от императора Николая II до хлыстов; последний визит, уже в Советскую Россию, состоялся в 1937 г. Именно Крейн в самом начале века «завез» в Америку новых славянских либеральных лидеров — П.Н.Ми-

¹² BAR. Vernadsky Coll. B.84.

¹³ BAR. Karpovich Coll. B.3.

«Вначале мы живем хорошо... — Георгий получает много денег, мы покупаем машинку и немного одеваемся», — фиксировала в дневнике жена Георгия Нина Владимировна. (Прага, 1925 г.)

люкова, М.М.Ковалевского, Т.Масарика и обеспечил им publicity, а потом принял самое активное участие в продвижении русских программ в Университете Чикаго. После октябрьских событий в России идею славянского возрождения Крейн связывал уже с Чехословакией и всячески поддерживал инициативы чешского руководства.

Попытка Вернадского обрести спонсора института в лице столь влиятельной фигуры казалась очень перспективной. О трудности реализовать этот проект предупреждал академик М.И.Ростовцев¹⁴, хорошо знавший непостоянство интересов Крейна, и оказался прав: к 1925 г. они сместились

от славянской экзотики к восточной, создания института он не поддержал, но финансировал сборник памяти Кондакова, а также выделял именные стипендии членам Кондаковского семинария.

За первые два с половиной года существования Семинарий весьма основательно заявил о себе изданиями, в которых наряду с кондаковцами сотрудничали известные русские гуманистари, члены Российской академии наук, оставшиеся в Советской России (Ф.И.Успенский, И.Ю.Крачковский, В.В.Бартольд, С.А.Жебелев и др.), и крупнейшие западные специалисты (Т.Уитмор, Г.Мийе и др.).

Русская ученая Прага, напротив, в большей своей части относилась к Семинарию настороженно, а часто и недоброжелательно. Не последнюю роль в этом играла

¹⁴ Скифский роман / Под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина. М., 1997. С.517.

ть «евразийства» как гэгэушной организации; в эмиграции с ГПУ прямо связывали многих евразийцев, прежде всего П.Н.Савицкого, сотрудничавшего с кондаковцами и более всего с Вернадским. Подозрительность, ревность и даже зависть коллег по профессии, чья деятельность не имела такого мирового резонанса, необходимость постоянно преодолевать финансовые затруднения изрядно отравляли атмосферу и в самом Семинарии, где уже в преддверии отъезда Вернадского в США в 1927 г. появились признаки внутренних конфликтов.

Именно Георгий Владимирович был тем человеком, благодаря которому сохранялся моральный баланс. С его отъездом конкуренция в Семинарии все более обострялась. Каждый из оставшихся претендовал на руководство и лидерство, а Вернадскому даже из-за океана приходилось выступать третейским судьей.

Положение самого историка в Праге значительно осложнялось неопределенностью его профессионального статуса. Докторской степени, присуждаемой университетом, он не имел и, следовательно, не мог претендовать на полноценное звание профессора. Ощущая ущербность такого положения, он собирался защитить в 1927 г. на Юридическом факультете одну из опубликованных книг как докторскую диссертацию. Однако это намерение встретило резкое осуждение отца. «Знаешь ли ты, что докторская степень факультета никогда не будет признана или не будет считаться равноценной с докторской степенью университета, если университеты в России получают автономию?» — сурово вопрошал академик и продолжал: «Вообще меня очень смущает Пражская университетская русская организация в ее университетской политике... Можно мириться с магистерской факультетской степенью — *faute de nouveu* (ошибкой молодости. — М.С.), — но зачем вводить докторскую факультетскую? Возможно, что ты будешь играть, если автономия возродится в будущем, роль немножко смешную и зачем ставить себя в такое положение? ... лучше не давай на трепание свое имя»¹⁵. И докторскую диссертацию Вернадский тогда не защитил — как оказалось, ему не суждено было защитить ее никогда.

Отношения с коллегами по профессии, большинство из которых были еще недавно его соратниками по партии (кадетами) или социалистами разного толка, также складывались мучительно. Вернадского постоянно упрекали в том, что он «быстро» печатал свои сочинения, не

обрабатывая, «противно тому, что делали старые профессора». И если в рецензии на «Государственную Уставную грамоту», изданную в 1925 г., А.А.Кизеветтер назвал книгу «первым опытом», совсем немного прибавляющим к истории составления Грамоты, объяснив это отсутствием необходимых архивных источников, то в газетном отклике на «Начертание русской истории» — первую большую «евразийскую» книгу Г.Вернадского — уже прямо и безжалостно обвинил его в «запутывании и затемнении наших представлений о русской истории».

Одна из первых вспышек корпоративно-партийно-научного раздражения произошла еще осенью 1924 г. на III (Пражском) съезде русских академических организаций, где Вернадский выступил с докладами о землепользовании помещичьих крестьян XVIII—XIX вв. с частноправовой точки зрения и военных поселений при Александре I. Вернадский проводил тезис об определенной целесообразности крепостного права для устойчивости государства в известную эпоху, а аракчеевские военные поселения интерпретировал как первые реальные шаги к отмене крепостного права, что было воспринято эсеровско-кадетской, а частично и «возвращенческой» Прагой как попытка идеализации крепостного права и монархии вообще. «Меня (главное без всякого основания, все ложь и клевета), — писал Георгий отцу, — продолжают травить за мои выступления на съезде ученых <...> мое имя у эс-эров и большевиков стало совсем крамольным — им надо было выдумать что-нибудь про съезд и русскую эмигрантскую науку — вот я и явился козлом отпущения»¹⁶.

В этой травле особенно преуспел автор статьи «Белая "наука"», опубликованной в «Воле России» (1924, № 16/17) под псевдонимом Ф.Репейников, за которым скрывался скорый возвращенец Далмат Лутохин. Советская печать немедленно подхватила возмущение Репейникова, и 15 ноября 1924 г. ленинградская «Красная газета» объявила профессора Вернадского мракобесом и реакционером, жаждущим порабощения крестьянства.

В этих условиях отъезд Георгия Вернадского в США напоминал бегство.

ГАРВАРД ИЛИ ЙЕЛЬ?

Американская тема возникла почти сразу после прибытия Вернадского в ноябре 1920 г. в Константинополь и была связана с именами его старых друзей —

¹⁵ BAR. Vernadsky Coll. B.12.

¹⁶ BAR. Vernadsky Coll. B.84.

Михаила Карповича и американского историка Фрэнка Голдера.

При содействии Голдера Вернадский решил перебираться с женой в США, и в начале марта 1921 г. они даже отплыли на пароходе в направлении Нового Света, но, не выдержав морской болезни, вернулись и остались в Греции. Тем не менее мысль об Америке не оставляла его и была постоянным предметом обсуждения в переписке с Карповичем, который, однако, предостерегал друга, что найти «интеллигентную работу» очень трудно.

В конце 1924 г. Голдер встречался в Вашингтоне с Ростовцевым и обсуждал с ним будущее Вернадского. Сообщая Вернадскому об этом разговоре, Голдер не скрывал, что первый в «его» списке на устройство в американских университетах — Карпович и ищут место прежде всего для него; но советовал надеяться и главное — учить английский. Летом 1925 г. для Карповича возникла перспектива преподавания в Калифорнийском университете, однако сам он отнюдь не стремился на западное побережье и через декана исторического факультета Л. Паэтова пытался сватать туда Вернадского.

Через полгода ожидания, 22 сентября 1926 г., Вернадскому оставалось только констатировать: «Paetow молчит, и, очевидно, я и в Америке места не получу»¹⁷.

Но неожиданно стал развиваться новый американский сюжет. В связи с предполагавшейся отставкой в конце 1926 г. профессора Роберта Г. Лорда, читавшего русскую историю в Гарварде, оказалась вакантной его кафедра. Одним из кандидатов на нее рассматривался и Вернадский. В письме Карповичу 7 ноября 1926 г. он сообщал, что получил на днях предложение выставить свою кандидатуру в профессора русской истории «в каком-то» американском университете.

Однако уже 14 декабря 1926-го он с горечью признавался: «Дорогой Миша! На днях получил твое письмо, и мы с Ниной уже размечтались, как мы вас повидаем — но, по-видимому, поездка наша не состоится. Вчера меня вызывал к себе приехавший сюда на несколько дней из Парижа проф. Eisenmann (через которого шло все это дело), и намеками дал мне понять, чтобы я не рассчитывал на профессию в Harvard'ском университете (оказывается, речь шла именно о Harvard'ском), т.к. у меня конкурент с очень сильными рекомендациями. Выяснилось потом, что этот конкурент Пав. Пав. Гронский, т.е. человек, который никакого отноше-

ния к науке русской истории не имеет (м.б., хороший юрист, этого уж я не знаю). Вот как делаются дела на свете!»¹⁸ Пикантность ситуации заключалась в том, что главным конкурентом Вернадского на место в Гарварде оказался не столько П.П. Гронский, сколько адресат письма.

Лекции Карповича начались в Гарварде 8 февраля 1927 г. Кажется, за такой исход он испытывал некоторую неловкость перед старым другом, который был несомненно более профессионально подготовлен. А так как сама профессура все еще оставалась свободной, Карпович позволил себе пофантазировать: «Идеальным было бы такое решение: пусть берут тебя профессором вместо Лорда, а меня твоим ассистентом или инструктором при тебе (у них такая должность по истории существует). Вот было бы хорошо! Как бы их в этом убедить?»¹⁹

Почти параллельно гарвардскому развивался йельский сюжет, хорошо представленный публикациями переписки Ростовцева и Вернадского в книгах М. Веса и Г.М. Бонгарда-Левина²⁰. Оба автора считают, что Вернадский обязан своим приглашением в Йельский университет Ростовцеву. Судя по переписке, с самого начала Вернадскому предложили очень скромные условия — работу на один учебный год в качестве преподавателя, ведущего практические или семинарские занятия, в высшей школе, с жалованием 1500 долл. в год и с оплатой переезда. В итоге Вернадский получил должность с еще меньшим жалованием — 1000 долл. в год. Предполагалось также, что он будет вести курс введения в русскую историю и работать в русском отделе университетской библиотеки.

Йельское приглашение последовало в тот момент, когда выбора у Георгия Владимировича не было и любое предложение из США показалось бы манной небесной. 28 июля 1927 г. он сообщил родителям из Праги: «Все уладилось благополучно: все бумаги достали, получили паспорта и американскую визу и заплатили полностью за Аквитанию. Значит, жребий брошен и с небольшим через две недели мы уже должны leave Europe (покинуть Европу. — М.С.)»²¹.

Еще и сегодня в новейшей исторической литературе приходится читать, что Вернадский получил в 1927 г. кафедру в

¹⁸ BAR. Karpovich Coll. B.3.

¹⁹ BAR. Karpovich Coll. B.3.

²⁰ Wes Marinus A. Michael Rostovtzeff, *Historian in Exile*. Stuttgart, 1990. P.75—78; Скифский роман. С.516—529.

²¹ BAR. Vernadsky Coll. B.84.

¹⁷ BAR. Karpovich Coll. B.3.

Йельском университете. Между тем фигурирующая в его официальных биографиях должность «research associate in history» (прямого перевода на язык рангов русской/советской вузовской науки она не имеет) означает только то, что для него было как бы специально придумано некое место, искусственный и временный статус которого явно не давал никаких перспектив профессионального продвижения. Впрочем, хорошо известно, что на протяжении 30-х годов Вернадский все-таки преподавал и, по-видимому, в самой низкой должности (instructor), совершенно не соответствующей его квалификации и годам.

«В неудачах моих отчасти, может быть, виноват я сам, — писал он отцу в 1933 г., — отчасти же — и я думаю главным образом — внешние обстоятельства, т.е. главным образом весь строй Department of History нашего университета. Во-первых, они себе ставят главным образом цели учебные, а не научные. Во-вторых, и учебные цели понимают очень узко. В частности, они совершенно исключают из своей нормальной программы славянство и Россию. К этому еще присоединяется, по-видимому, мнение некоторых членов Department'a о том, что мой английский язык недостаточно fluent (беглый. — М.С.). Надо сказать, что я действительно с большим трудом и очень медленно овладевал английским языком — я сам был в своих способностях разочарован — но теперь-то как раз я считаю, что я языком овладел (конечно, совершенствоваться все время надо будет), и тут отчасти у моих недоброжелателей действовали воспоминания о моих первых годах, а отчасти дело в том, что я не языком не владею, а совершенно не подхожу к ним по интересам, по психологии. У них, например, почти неприлично считается говорить о науке помимо специальных разговоров по специальным appointment'am (здесь: вне условленных встреч. — М.С.). Попытки создать тут историческое общество не увенчались успехом. При встречах — на department'ских завтраках, напр., — говорят большей частью или об университетских сплетнях, или о футбольных матчах, на которые я не хожу и от безденежья и от того, что не интересуюсь. Все это привело к тому, что в прошлом декабре я получил от Chairman'a исторического отделения (профессора Гэбриэля — профессора американской истории, ничем в науке не замечательного) письмо, что ввиду денежного кризиса и сокращения бюджета университета мое назначение не будет возобновлено по

истечении срока (срок истекает 1 июля 1935). Я на это письмо не ответил, но перестал ходить на department'ские lunch'и».

Далее Георгий пишет, что шансы на «возобновление приглашения» все же остаются, и заключает: «Вообще же получается какое-то дурацкое положение. С одной стороны, мне полный почет и уважение в американском академическом мире <...>, а вот между тем в Yale'e мое положение так непрочное, не говоря о том, что жалованье мне платят по американским понятиям (и условиям жизни) нищенское. Да, еще при этом надо сказать, что занятия мои со студентами идут, по-моему, вполне благополучно (и на мой английский язык студенты не жалуются). <...> Как бы то ни было, я твердо верю, что, если Бог даст, через несколько лет я пробьюсь в Америке и завоюю себе настоящее положение, но, конечно, все это неопределенное положение мешает вполне отдаваться чисто научному творчеству»²².

За глаза Георгия Владимировича упрекали не только в неважном знании английского, но и в том, что он в ущерб преподаванию занимается научной работой и мало времени уделяет студентам. В течение многих лет только благодаря личным связям и авторитету Ростовцева Йельский университет продлевал незавидные контракты Вернадского.

Необходимость «завоевания Америки» заставляла Вернадского обращаться к темам, весьма далеким от его исследовательских интересов. От родных он никогда не скрывал абсолютно вынужденного характера этих сочинений: «...пришлось писать о Троцком в Curr[ent] Hist[ory]²³... Писать эту последнюю статью было, признаться, неприятно, но отказаться от предложения было нельзя, т.к. Curr[ent] Hist[ory] создает известную марку среди более широких слоев американской публики, а мне приходится отчаянно пробиваться в Америке»²⁴. В начале 30-х он выпустил ряд обзорных работ по новейшей истории России, в том числе «The Russian Revolution. 1917—1932» и переизданную недавно на русском языке книгу «Lenin, Red Dictator». Его статьи часто появлялись в научной периодике, но преимущественно не американской.

Параллельно, для души, Вернадский планировал несколько совместных проектов с Михаилом Карповичем. В середине 30-х они

²² BAR. Vernadsky Coll. B.84.

²³ Vernadsky G. Trotsky Turns Historian // Current History. 1933. V.XXXIX. P.176—181.

²⁴ BAR. Vernadsky Coll. B.84.

В Нью-Хейвене. 30-е годы.

собирались написать биографию Федора Родичева — одного из известнейших русских либералов, к тому же родственника Вернадского по линии жены. В архиве Георгия Владимировича сохранилась рукопись начальных глав этой книги, посвященных родословной и детству Родичева. Судя по стилю, работа учитывала интерес и любовь американцев к жизнеописаниям знаменитых людей и должна была стать беллетристической книгой, а не академически сухой. Для подготовки глав, посвященных гражданской войне, — наиболее сложных для историка в плане сбора документов, — Вернадский брал интервью у коллег Родичева по партии (сейчас это называется «oral history»); сохранились записи его бесед с графиней С.В.Паниной и Ростовцевым.

Благодаря постоянной переписке с

дочерью Родичева Александрой Федоровной, жившей в Швейцарии, он получил много семейных материалов и в конечном итоге, при самом активном участии Вернадского, архив семьи Родичевых был приобретен Колумбийским университетом. Но книга о Родичеве так и не была завершена. Ее вытеснил другой общий проект Вернадского и Карповича, решивших предпринять издание на английском языке подробного курса истории России в 10-ти томах.

Финансовую поддержку проекта через Гуманитарный фонд обеспечивал бывший посол России в США Б.А. Бахметев, а издательство Йельского университета пообещало опубликовать многотомник, каждый выпуск которого, по американской традиции, при цельности общего замысла мог одновременно служить и учебным пособием по отдельным

периодам русской истории. В этом издании Вернадский брал на себя первые шесть томов, а Карпович последние четыре — Россия в XIX и XX вв. Свою часть проекта Вернадский со свойственной ему последовательностью почти выполнил: в 1943 г. вышла «Древняя Русь», в 1948-м — «Киевская Русь», в 1953-м — «Монголы и Русь», в 1958-м — «Россия в средние века», в 1968-м — «Московское царство». Он довел работу до 1682 г. Карпович же своих томов так и не написал. По складу характера он не был кабинетным ученым, а преподавательская занятость и издание знаменитого «Нового журнала» еще более отдаляли его от реализации задуманного.

Несмотря на это, отношения Вернадского и Карповича всегда оставались самыми дружескими. Ближайший круг общения Вернадских на протяжении всех американских лет оставался русским — прежде всего старые знакомые и родственники — Панина, Ростовцевы, А.И.Петрункевич, Карповичи, Зарудные, А.Л.Толстая. Нина Вернадская вела ежегодные записи гостей на самый дорогой для семьи праздник — Пасху. Под 1933-й: «...были Ростовцевы чудесно. Кушали с удовольствием и были веселы и ласковы и разговорчивы. Как нам надо благодарить судьбу, что они у нас есть». Пасху 1934-го встречали «в ростовцевской квартире с Сережей Зарудным», 1935-го — с Карповичами. Пасха 1936-го оказалась «богатой», т.к. перед ней «Георгий получил за Ленина (т.е. за книгу «Lenin, Red Dictator». — М.С.) 190 долларов»²⁵.

В 1938 г. в США, в Нью-Хейвен, наконец-то из Чехословакии приехали Толли: родная сестра Вернадского — Нина Владимировна, ее муж, фактический директор Кондаковского института Николай Петрович Толль и их дочь Танечка, которым первоначально, в 1934 г., отказали во въезде в США. Однако вместо ожидаемой радости их приезд, напротив, внес много нервозности. Толли довольно быстро адаптировались к американской жизни. Нина — врач-психиатр — нашла работу по специальности, а значит, неплохой доход; при покровительстве Ростовцева Толль устроился в университете. Оба они стали пользоваться успехом у американцев.

Настроение Георгия и Нины Вернадских было иным: «Для меня успех у американцев есть признак морального почти падения», — записывала Нина²⁶. Идеология обязательного жизненного преуспевания, понимаемая в Америке прежде

всего как карьерный, материальный успех, так и осталась для них чуждой. А материальная необеспеченность — постыдная в Америке и тем более в научной среде — развивала болезненную замкнутость образа жизни. Еще в конце 1931 г., отказываясь принять пост члена Совета Кондаковского института, Вернадский с горечью писал Толлю: «Мое настоящее положение в Америке совершенно для такой помпезной роли не подходит. Было бы смешно, если бы я начал вместе с Крейном заседать в нем, ибо я по американским понятиям нищий и мне таких выступлений делать не полагается», — и советовал привлечь Ростовцева, тогда «будет очень удачное с американской точки зрения трио: княгиня, миллионер и ученый с мировым именем»²⁷.

К концу 30-х ситуация не изменилась. На Пасху 1939 г. горькая запись Нины Вернадской: «В среду были у Ростовцевых. Г. пил, я удрала на бусе (автобусе. — М.С.). Была незабываемая ночь. Г. не должен пить так, он может совсем упасть, если будет продолжать. Он был прямо страшный, кричал ужасные вещи и потом заснул тяжелым храпящим сном. Я не спала ни одной минуты и все думала, думала. Никогда не забуду. Нам надо подниматься куда-то. Дальше так жить нельзя. Что-то не так»²⁸.

Разлад, возникший в отношениях с Ростовцевыми и Толлями, переживался Вернадскими исключительно тяжело: «После каждой из этих драм мы себя чувствовали так, точно обухом нас ударило по голове, и я чувствую, как мы меняемся, теряем веру в людей, отходим от людей, люди отходят от нас и делаемся мы одиноки. В этом одиночестве еще крепче наша близость с Георгием, но иногда бывают моменты, когда тяжело это ощущение, что люди уходят, уходят, что с ними как будто и жизнь уходит и мы точно уплываем куда-то одни на тающей льдине».

Начало второй мировой войны, нападение Германии на СССР и необходимость выбирать «патриотическую» или иную позицию обострили отношения внутри эмиграции. Для Вернадских связь с Родиной никогда не прерывалась — они постоянно интенсивно переписывались с родителями, причем вся почта с их согласия шла непосредственно через послов СССР в США М.М.Литвинова и А.А.Громыко (по-ви-

²⁷ Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С.35.

²⁸ BAR. Vernadsky Coll. B.142.

²⁵ BAR. Vernadsky Coll. B.141. F.2.

²⁶ BAR. Vernadsky Coll. B.142.

димому, возлагавших надежды на возвращение Г.Вернадского). Сомнений, чью сторону принять, не было. Георгий регулярно выступал по радио и в местной прессе с обзорами положения в СССР и на фронте. Когда в начале 1942 г. в Нью-Хейвене возник Russian War Relief, Вернадские почти сразу же включились в его работу, а «Р[остовце]вы не пошли», — записала Нина Вернадская и тут же отметила: «Графиня [Панина] на словах пообещала, но по своему кадетскому устарелому мировоззрению все боится помогать России».

Зимой 1944/45 гг. Георгий Вернадский собирался навестить отца в Москве, но 6 января 1945 г. академик В.И.Вернадский скончался. Советское посольство пыталось уговорить Георгия Владимировича не отменять визит, но он не поехал. Послевоенные годы принесли заметное облегчение жизни Вернадских. В 1946 г., в возрасте 63 лет, после почти двадцати лет преподавания в Йеле, Георгий Владимирович получил звание профессора. Непосредственно перед этим ему предоставили Фулбрайтский грант для работы в Англии в течение года и предложили профессорское место в Лондонской школе славянских и восточноевропейских исследований. Он склонялся к тому, чтобы покинуть Йель. Однако теперь уже перспектива потерять известного историка-слависта не устраивала администрацию Йельского университета, и Вернадскому наконец-то предложили профессорский контракт. Известный американский историк Ф.Мозли сразу откликнулся на эту новость: «Я очень, очень рад, что наконец университет пришел в себя и начинает отдавать должное Вашим большим заслугам в университете и в науке. Для меня его отношение было непонятно, и я глубоко доволен тем, что он начал исправлять такую вопиющую несправедливость»²⁹.

²⁹ BAR. Vernadsky Coll. B.6.

В качестве visiting professor Вернадский читал также лекции в Колумбийском университете и университете Джона Хопкинса в Балтиморе. В 1958 г., уже после отставки из Йеля, Американский совет научных обществ (American Council of Learned Societies) удостоил Вернадского гранта в 10 000 долларов. Последние четверть века своей жизни ученый оказался в роли патриарха американской русистики: гарвардские историки «гнезда М.Карповича» постоянно приезжали к нему консультироваться, ученики (А.Фергюссон и А.Левин) издали в 1964 г. в его честь Festschrift. Запоздалое признание пришло.

Однако после острого сердечного приступа в 1950 г. Г.Вернадский внутренне сосредоточился «на итогах»: на завершении «Истории России» и многочисленных воспоминаниях. Когда в 1953 г. Роман Гуль, мастер исторических портретов, захотел написать очерк о нем, последовал немедленный отказ: пишите, ответил историк, когда умру, «считайте, что я ушел в монастырь»³⁰. С 1954 г. он начал разбирать свой архив и готовить его к передаче в учрежденный в 1951 г. Колумбийским университетом и Фондом Рокфеллера Archive of Russian and East European History and Culture (Бахметевский архив), ставший преемником знаменитого пражского Русского заграничного исторического архива, интернированного в 1945 г. в СССР.

Георгий Владимирович Вернадский скончался в 1973 г. — тихо и незаметно. Его последней научной работой стали «Очерки по русской историографии» — своего рода профессиональная родословная, где равноправно присутствуют имена маститых ученых и их менее известных коллег — того научного братства, к которому Вернадский стремился всю жизнь.

³⁰ BAR. Vernadsky Coll. B.2.